

А. А. Хахалова

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА (ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ДРУГИЕ НАУКИ О СОЗНАНИИ)

Критика психологических наук и проблема методологии — предмет постоянного разбирательства и пересмотра как для самого Э. Гуссерля, так и для последующих феноменологов. Среди мотивов к этому разбирательству можно выделить сциентистский, натурализованный характер психологии XIX в., против которого автор феноменологии выступает со своим проектом *науки о сознании*. Конечно, проект феноменологии не ограничивается этим мотивом — во многом его появление стало возможным в силу кризиса классической, метафизической философии в целом, когда в очередной раз потребовался новый метод исследования сущего. Несмотря на это, взаимоотношение между феноменологической мыслью и другими науками о сознании — одно из важных измерений не только феноменологии, но и философии сознания в целом. В данной статье я ограничусь рассмотрением методологического аспекта этого взаимоотношения.

Психологию Гуссерль определяет как *науку о фактах*, в отличие от феноменологии — *науки о сущностях*. Согласно гуссерлевской иерархии наук, всякая эмпирическая наука должна быть правильным образом соотнесена с сущностной, эйдетической наукой о том же самом предмете, подчинена ей. При этом эйдос следует понимать как сущностно необходимую, инвариантную структуру сущего, которую это сущее само проявляет, всякий раз исполняет в имманентном ему анализе, внутреннем ему самому восприятию¹. «Любая конкретная эмпирическая предметность вместе со всеми своими материальными сущностями подчиняется соответствующему *наивысшему* материальному роду, “*региону*” эмпирических предметов. Тогда чистой сущности региона соответствует *эйдетическая наука региона*, или же — так тоже можно сказать — *онтология региона*» [2]. Психология в данном случае должна исходить из эйдетической науки о психическом — феноменологической психологии. Всякое «психофизическое (т. е. психологическое в обычном смысле) познание *предполагает уже сущностное познание психического*» [3, с. 219], к которому относится учение об интенциональности сознания и его эйдетической структуре. Именно в упущении этого сущностного учения о психическом психологи-эмпиристы показывают свою несостоятельность. Более того, психологи выстраивают свои проекты по образцу естественных наук (наук о физическом), смешиваясь тем самым с другим эйдетическим регионом — регионом наук о природе и этим натурализуя свой предмет — психическое, сводя его к предмету экспериментального исследования, используя методы естественных наук.

В свою очередь, Гуссерль показывает, что психическое, явление, феномен, поток сознания — это не предметы эксперимента, их невозможно исследовать такими же методами, какими исследуются предметы естественных наук. «Изучать явления следует

Хахалова Анна Алексеевна — аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: khakhalova@mail.ru

¹ Об эйдосе как исчерпывающем знании возможного см.: [1].

© А. А. Хахалова, 2013

именно так, как они нам даются, созерцая интуитивно сущностное бытие этого феномена, не полагая его *существования*» [2]. Созерцание сущности может быть исполнено в феноменологическом опыте с помощью метода «имманентного анализа», т. е. «анализа сущности» (*Wesensanalyse*), имманентного самому явлению. Для того чтобы этот опыт состоялся, необходимо совершить феноменологическую редукцию — особую процедуру, в результате которой происходит выключение естественной установки, эпохе всех трансцендентных суждений (куда входят как суждения обыденного сознания, так и все положения естественных наук), обретение феноменологической установки сознания.

Кратко прописанные здесь основные шаги феноменологии уже позволяют нам задать следующие вопросы: возможно ли полное выключение положений естественной установки? Осуществимо ли вообще создание всеобъемлющей систематической эйдетической науки о сознании? Достижимо ли обретение чистого сознания, т. е. сферы феноменов, лишенной всего трансцендентного в результате сущностного усмотрения сознания, и не будет ли это метафизическим конструктом? Эти вопросы, как и осмысление замысла трансцендентальной феноменологии в целом, требуют отдельного рассмотрения. Здесь нам хотелось бы лишь отметить, что радикальное требование феноменологии — требование чистоты феноменологического опыта, выключения всех трансцендентных высказываний — не раз ставилось под вопрос последующими феноменологами. Так, американский феноменолог Т. Карман считает (см., напр.: [4]), что на этапе трансцендентальной феноменологии Гуссерль остается заложником классической гилеморфической схемы, согласно которой мы можем нивелировать существование, материю и исследовать только сущность, форму явления. Полумифическое, ибо недостижимое абсолютно, требование *чистого* сознания, лишенного всего фактического, материального, заранее обуславливает наше дальнейшее движение внутри феноменологической установки в сторону квазиидеализма, где явление оказывается с самого начала разделенным по бытию (на бытие сущностным образом и бытие неистинное, фактическое, а значит — привнесенное извне, приложенное к первому). Более того, само требование чистоты (опыта, сознания) может быть понято как следствие заранее проведенного разграничения сущностного и фактического (наук о сущностях и наук о фактах). По мнению М. Мерло-Понти, у позднего Гуссерля, а в большей степени в феноменологии Хайдеггера совершается «поворот» в понимании феноменологической редукции, вследствие которого обретается истинное понимание явления как единства сущности и существования, *экзистирования*. Согласно этому пониманию, феноменологическая редукция призвана снять, заключить в скобки традиционную логику мышления, впервые открыв *сущность* феномена через его *существование*. В этом рассмотрении (*проживании* через понимание, освоении через бытийствование) бытийных структур экзистенции сущего заключается замысел экзистенциальной аналитики *Dasein*. В рассуждениях о «жизненном мире» — феноменологической, донаучной установке, особом способе понимания бытия, родственном герменевтическому методу, через освоение сущего, через непосредственное присутствие в ситуации опыта, в событии — мы можем заметить иное понимание «чистоты» сознания. Речь уже не идет об абсолютном выключении действительного мира, в котором мы существуем, а, скорее, о правильном вхождении в ситуацию феноменологического опыта в границах мира, понятого в качестве заранее данного, фактического условия моего опыта.

Так, одним из достижений поздней феноменологии Гуссерля и последующих феноменологов оказывается постулирование некоего первоначального опыта конкретного отелесненного, воплощенного сознания, т.е. психофизической реальности. В этом опыте еще нет деления на субъективное — *cogito*, Это-полюс, ноззу и объективное — *cogitatum*, полюс субстрата, полюс качеств, нозму. Отсюда «должно быть ясно, что феноменология имеет дело с темами, которые она разделяет с другими дисциплинами, и было бы неправильным настаивать на том, чтобы она просто игнорировала эмпирические достижения, относящиеся к этим же темам» [5, р. 8].

Очевидно, что и с другой стороны — со стороны ученых — происходит переосмысление предмета исследований, сближающее их с философской, феноменологической установкой. Внутри психологических, когнитивных наук, комплекса нейронаук сознание начинает рассматриваться с множественной перспективы (индивидуальной, исторической, герменевтической и т.д.). Осознание и понимание учеными феноменологической составляющей природы сознания, его перволичностного измерения в корне изменило само представление о природе сознания: от «природы в смысле единства пространственно-временного бытия» [3, с. 192], в смысле все-природы (*Allnatur, Natur-objektivitat*) в ее тождественно-объективном характере, внутри которой конкретное случайное событие, вещь предстает как «центр объединения причинностей внутри единой всеохватывающей природы» [3, с. 209] — к природе, которая «включает в себя такие измерения, как значение, контекст, перспективы, возможности (*affordances*) и культурные седименты» [5, р. 23]. Так, например, британский мыслитель, психотерапевт Эрнесто Спинелли в книге «Истолкованный мир» указывает на благоприятную роль феноменологического метода для всякого исследования: «практика феноменологического метода, по крайней мере, минимизирует нашу склонность полагаться в исследованиях исключительно на одну теорию. Кроме того, в своем стремлении вести нас не столько к правильным и окончательным заключениям, сколько ко всё более адекватным приближениям и вероятностям, она делает возможной теоретическую гибкость и “открытость”, что согласуется с идеологией — если и не с практикой — науки» [6, р. 253].

В свою очередь, современный датский феноменолог Дан Захави предлагает свой проект «натурализированной феноменологии», «который вовлекается в значимый и продуктивный обмен с эмпирической наукой. Феноменология может прояснять или ставить под вопрос базовые предпосылки эмпирической науки, а также оказывать помощь в развитии новых экспериментальных парадигм. Эмпирическая наука может предоставлять феноменологии конкретные данные, которые она (феноменология) не может просто игнорировать, но должна учитывать; сведения, которые могли бы помочь ей усовершенствоваться или пересмотреть собственные анализы» [5, р. 14–15].

Среди *натурализированных* проектов феноменологии можно выделить фронтальную феноменологию (*front-loaded phenomenology*) Ш. Галлагера, представляющую собой взаимодействие с некоторыми психологическими проектами; постфеноменологию Дж. П. Арнасона, сотрудничающую с естественной наукой; нейрофеноменологию Ф. Варелы, А. Лутца, позволяющую данные феноменологического опыта соединить с нейробиологической наукой; феноменолого-биологический проект Э. Томпсона (см. [7]), в котором автор использует математическую теорию динамических систем и биологические концепции для описания возникновения сознания, феноменологического измерения жизни. Эти проекты представляют собой одно из возможных на сегодняшний

день осуществлений феноменологии, задавая междисциплинарное пространство исследования психического, что позволяет пересмотреть классические вопросы феноменологии и поставить новые (тема интерсубъективного взаимодействия, вопрос о перспективе третьего лица, вопросы о функционировании предфеноменальной и пред-рефлексивной сферы сознания и т. д.).

Литература

1. *Gurwitch A.* Husserl's conception of phenomenological psychology // *The Review of Metaphysics*. 1966. Vol. 19 (4). P. 689–727.
2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т.1 / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с. URL: http://elenakosilova.narod.ru/studia/h1.htm_Тос36117355 (дата обращения: 25.12.2012).
3. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 185–241.
4. *Carman T.* The body in Husserl and Merleau-Ponty // *Philosophical Topics*. 1999. Vol. 27, No. 2. P. 205–226.
5. *Zahavi D.* Naturalised phenomenology // *Handbook of Phenomenology and Cognitive Science* / ed. by Sch. Gallagher, D. Schmiking. London: Springer, 2010. P. 2–19.
6. *Spinelli E.* The Interpreted world. London: SAGE Publications Ltd, 2005. 253 p.
7. *Thompson E.* Mind in Live. Biology, Phenomenology and the Sciences of Mind. London: Harvard University Press, 2007. XIV+543 p.

Статья поступила в редакцию марта 2013 г.